Н.В.Трофимова

О некоторых закономерностях в развитии жанра древнерусских воинских повестей

Термин "воинская повесть" используется в литературоведении давно . Однако нельзя сказать, что понятие это определено полно и исчерпывающе. Чаще встречаем попытки определить более широкое жанровое понятие - повесть вообще, в том числе и в древнерусской литературе[1]. Наиболее удачным представляется определение древнерусского жанра повести, данное Н.И.Прокофьевым[2]. Исследователь выделяет несколько характерных признаков: эпический характер жанра, историчность событий и персонажей, построение на основе логико-художественной обусловленности или по хронологии, включение других литературных форм, преимущественное внимание к событиям, а не к их участникам, реально-правдивый способ изображения. Как дополнительные жанровые признаки отмечаются особый тип повествователя и язык произведения. Таким образом закрепляются общие видовые черты жанра повести. Воинскую же повесть из общего круга повестей выделяет объект повествования - сражение, поход, осада города.

Наблюдения над воинскими повестями XII-XVII веков приводят к выводу о том, что они могут быть разделены на два основных типа, которые развиваются на протяжении всего времени существования жанра. Эти два типа выделены на основе следующих признаков: I/ приемов изложения событий, своеобразия развития сюжета; 2/ способов и приемов изображения персонажей; 3/ использования определенного круга изобразительно-выразительных средств с различными художественными целями.

Первый тип повестей условно назван нами информативным. В целом для этой жанровой разновидности характерно ослабленное сюжетное развитие, краткая передача основных фактов в ви-

де сообщений, малое внимание к персонажам, участвующим в действии, крайне ограниченное количество изобразительно-выразительных средств, преимущественно с оценочной функцией, использование устойчивых формул воинского повествования. Этот тип мало подвержен развитию, в основном оно заметно начиная с конца XIУ в. в области художественных средств, которые подчиняются общему для того времени процессу распространения и нагнетания. Примечательно, что уже с XII в. в повествованиях этого типа повествователь высказывает свою позицию путем рассуждений провиденциалистского типа, особенно ярко раскрывающихся через библейские цитаты и ретроспективную историческую аналогию. Эта черта также затем становится характерной для жанра в целом.

Типичным примером повести информативного типа может служить повесть о походе Игоря на половцев по Лаврентьевской летописи. Она отличается сжатостью изложения событий, пропуском отдельных сюжетно традиционных или исторически достоверных этапов действия / подготовка к походу, первая битва с половцами/. Главный герой не играет значительной роли в развитии событий, он и все князья Ольговичи оцениваются повествователем отрицательно, подчеркиваются их честолюбие и неблагоразумие. Позиция повествователя проявляется через реплики: "А не ведуще божья строения"/366/[3]; "Наши же, видевше их, ужасошася, и величанья своего отпадоша,не ведуще глаголемаго пророком: "Несть человеку мудрости, ни есть мужества, ни есть думы противу господеви"/368/; "Где бо бяше в нас радость - ноне же въздыханье и плачь распространися! Исайя бо пророк глаголет: "Господи, в печали по-

минухом ти..."/368/; "И по малых днех ускочи Игорь князь у половец - не оставит бо господь праведнаго в руку грешничю: очи бо господни на боящался его, а уши его в молитву их! Гониша бо по нем и не обретоша, якоже и Саул гони Давида, но бог избави и, тако и сего бог избави из руку поганых"/368/. Как видим, способов проявления позиции повествователя несколько - это рассуждения провиденциалистского типа, библейские цитаты, ретроспективная историческая аналогия. Все эти способы известны ранним летописным текстам, но в предшествующих воинских повествованиях широко не использовались.

Язык повести по преимуществу разговорный, значителен диалог. Широко используются воинские формулы. Случаи появления тропов немногочисленны и традиционны.

Все эти особенности сохранят воинские повести информативного типа и на последующих этапах развития этой жанровой разновидности.

Более продуктивным и подверженным развитию оказался в древнерусской литературе событийно-повествовательный тип. Его характерными чертами являются развернутый сюжет, более напряженное развитие которого связано со значительным вниманием повествователей к персонажам произведений, в первую очередь к главному герою - князю; подробное повествование о битвах, соединяющее воинские формулы с конкретными деталями реальных событий, более широкое использование тропов, причём они, помимо оценочной, широко реализуют изобразительную и эмоционально-выразительную функции, что также связано со вниманием к человеку. Повествователь в этом типе повестей проявляет себя не только средствами, характерными для повес-

тей информативного типа, но и через прямые пояснения и оценки действий персонажей. Примером раннего этапа развития воинской повести событийно-повествовательного типа может служить повесть о походе Игоря по Киевской летописи /в Ипатьевском своде/.

Повесть представляет ход событий в характерной для жанра в целом схеме: подготовка к битве - сражение - последствия битвы. Каждый из этих основных этапов повествования приобретает в повести подробную сюжетную разработку: включает в себя ряд эпизодов, точно и детально передающих ход событий. Значительную роль в повествовании играет сам князь Игорь - его поступки и решения определяют развитие действия. С этим связано появление большого количества монологов героя, не только выполняющих информативную роль, но косвенно характеризующих Игоря. Способ изображения его здесь - идеализация, особенно заметная в сопоставлении с рассказом Лаврентьевской летописи и "Слова о полку Игореве".

Как и в ранних произведениях жанра, повествователь открыто не выступает в повести. Однако крайняя детализация изображения и стремление объяснить все действия героя например, повествователь, рассказывая о том, как Игорь пытался вернуть побежавшие полки, поясняет: "... соимя шолом, погнаша опять к полком, того деля, что быша познали князя и возворотилися быша"/354/) выдают в нем заинтересованного человека и современника событий, что характерно для жанра. Оценка поражения Игоря дана прямой репликой повествователя, построенной на антитезе, идущей еще от Библии: радость-горе. "И тако во день святаго воскресения наведе на ня господь гнев свой, в

радости место наведе на ны плач, и во веселия место желю на реце Каялы"/356/. Рассказывая же о последствиях похода Игоря, в результате которого половцами был захвачен город Римов, повествователь позволяет себе сделать религиозно-символическое отступление, в котором объясняет неудачи русских князей наказанием божьим за грехи / отрывок этот наводит на мысль о том, что автор был знаком со "Словом о нашествии иноплеменных", помещенным в "Повести временных лет" под 1068 г./

Косвенным образом сочувственная позиция повествователя проявляется и через монолог-плач Игоря, в котором он говорит о причинах своего поражения, причем подчеркивается искреннее раскаяние князя.

В языковом отношении повесть по Киевской летописи богаче и ярче, чем по Лаврентьевской: точная и разнообразная авторская речь перемежается многочисленными репликами персонажей, тяготеющими к афористичности, что, очевидно, связано с богатой устной речевой традицией княжеских военных советов, речей перед дружиной. Примечательно, что в языке повести почти полностью отсутствуют воинские формулы: конкретность описания событий, вероятно, вступала в противоречие с обобщенным характером формул. Зато более широк круг использованных тропов: встречается много эпитетов, носящих эмоциональный характер, что связано с интересом автора к персонажам, используются сравнения с изобразительной функцией, многочисленны метонимии, особенно в описании битв.

Уже с XIII в. повесть событийно-повествовательного типа начинает развиваться. В первую очередь развивается, усложняясь, сюжет. Причем процесс этот в разных произведениях XIII-

XIУ вв. проявляется неодинаково. Одно направление изменений находим в "Повести о разорении Рязани Батыем", в которой происходит последовательное соединение сюжетов, разновременных по происхождению, но связанных с одним событием. Возникает "цепочная" композиция произведения, в которой каждый из четырех сюжетов самостоятелен и в то же время связан с предыдущим и последующим. При этом для истории жанра особенно важно, что связь первого /посольство Федора Юрьевича к Батыю/ и второго/осада и взятие Рязани/ эпизодов не только логико-хронологическая, но и собственно сюжетная - развязка первого эпизода является завязкой второго.

Вместе с усложнением сюжета появляются и разные способы изображения персонажей / в зависимости от жанровой традиции, к которым тяготеют сюжеты/ - реально-исторический, идеализация, гиперболизация по фольклорному типу. Значительно шире и круг тропов, использованных в повести. Прежде всего, более многообразны эпитеты, причем большинство носит эмоционально-оценочный характер, помогает передать чувства и оценить события. Сравнения выполняют преимущественно изобразительную функцию, метафоры и метафоры-символы помогают передать чувства, эмоциональные состояния персонажей. В описаниях битв широко используются воинские формулы гиперболического характера. В значительной мере все эти средства связаны с усилением авторской позиции в повествовании, которая выражается различными способами. Повествователь высказывает свое отношение к героям с помощью эпитетов: безбожный царь Батый /184/[4], послы безделны /184/, благоверный князь /186/ и др.; эмоциональными восклицаниями: "Да противу гневу божию хто

постонт!"/188/, прямой оценкой: "...Храбро и мужественно бьяшеся, яко всем полком татарьскым подивитися крепко и мужеству резанскому господству. И едва одолеша их силныя полкы татарскиа"/188/, "сия вся наиде грех ради наших"/190/, "Кто бо не восплачетца толикиа погибели, или хто не возрыдает о селице народе людий православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет таковаго пленения" /194/, "Сий бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея..."/194/; ретроспективной исторической аналогией: /об Олеге Ингоревиче/"Сий бо есть вторый страстоположник Стефан, прия венець своего страданиа..."/188/; оценкой через мысли и слова врагов: "Татарове мняша, яко мертви восташа"/190/, "Царь же подивися ответу их мудрому" /192/ и др.

Другой путь развития воинской повести намечен в "Повести о битве на реке Калке" по Тверской летописи. В ней автор попытался ввести в хорошо известный по другим летописям сюжет дополнительную линию, которая, по идее, должна переплетаться с основной. Однако попытка эта оказалась неудачной, побочный сюжет об Александре Поповиче и семидесяти богатырях оказался завершенным лишь формально, сообщением об их гибели, а по сути оборван: после подробной первой части, рассказывающей о службе Александра Ростовским князьям, следует основной сюжет о Калкском побоище, в конце которого сообщается и о гибели Александра. Но попытка усложнения сюжета и в этом случае связана с новыми явлениями на других уровнях произведения. Прежде всего, в рассказе о битве на Калке нет центрального героя, что не характерно для жанра.

Во-вторых, повествователь более активно и прямо, чем обычно, оценивает события, поясняет и высказывает свое мнение, почти не используя традиционные приемы цитирования и ретроспективной исторической аналогии. Так, оценивая причины поражения русских князей на Калке, автор пишет:"...по грехом нашим придоша языци незнаеми"/148/[5], но в то же время: "Но не сих же ради сие случися, но гордости ради и величанья руских князь попусти бог сему бити. Беша бо князи храбри мнози, и высокоумни, и мнящеся своею храбростию съделоваше"/150/, "Един бог весть откуду приведе за грехы наша и за похвалу и гордость великаго князя Мстислава Романовича"/160/. Таким образом, автор повести видит причину поражения русских князей в несогласованности их действий, стремлении опираться лишь на свою дружину. Поэтому он критически упоминает и о поведении многих князей во время битвы, например: "поиха же и сам на сторону Мьстиолав /Галицкий - Н.Т./; и видев полки татарьские прииха и повеле въоружатися всем своим. А два Мьстислава /Киевский и Козельский - Н.Т./ в стану бяху, того не ведаюце: не поведа бо им зависти ради, бе бо межи их пря велика" /156/.

Язык этой повести прост, его отличают сдержанность и лаконичность. Прямая речь используется в основном в рассказе о переговорах русских князей с половцами и татарами. Отсутствуют формулы воинского повествования. Из тропов наибольшее значение приобретают метонимические обороты, связанные с описанием битв.

Соединение двух типов распространения сюжета, представленных рассмотренными повестями, намечено уже в пространной

повести о Куликовской битве и в окончательном виде предстает в "Сказании о Мамаевом побоище". Здесь, при общем едином сюжете, укладывающемся в композиционную схему воинской повести, мы видим соединение последовательных микросюжетов с намечающимися сквозными сюжетными линиями отдельных персонажей. Внутри же микросюжетов расширяется круг явлений действительности, описываемых автором: появляются картины-описания природы и войска. Большее значение приобретают и традиционные внесюжетные элементы, особенно молитвы, как средство выражения чувств и мыслей персонажей. Такое расширение рамок жанра, ранее приспособленного в основном для описания битв, связано прежде всего с усилившимся в это время в литературе вниманием к человеку, стремлением изобразить его жизнь полнее и глубже. Вполне естественно, что все упомянутые сюжетно-композиционные изменения привели к расширению круга изобразительно-выразительных средств, использованных в произведении. При этом в общем количестве тропов увеличивается число тех, которые направлены на изображение внешнего мира, в частности, природы, то есть изобразительных, а из видов тропов более всего активизируются сравнения, что также говорит о растущей изобразительности текста. Вместе с тем растет и число тропов, которые помогают передать чувства и мысли персонажей. Начинает применяться прием соединения, нанизывания художественных средств для более разносторонней характеристики персонажей и усиления эмоциональности повествования. Таким образом, расширяется и круг возможных средств для выражения позиции повествователя, который применяет все ранее бытовавшие способы оценки хода событий и героев произведения.

По существу, все более поздние повести, использующие традицию воинских повестей, развивали сюжетные особенности, выявившиеся в "Сказании о Мамаевом побоище". Так, "Казанская история" применяет сходные способы сюжетной компоновки текста, соединяя локальные микросюжеты со сквозными сюжетными линиями отдельных персонажей, причем в этом памятнике последние выглядят гораздо более развитыми и полными, чем в "Сказании". Собственно описания битв в сюжете произведения занимают важное, но не ведущее место. Таким образом воинская повесть в данном случае выступает как подчиненный элемент более широкого исторического повествования. В связи с расширением содержания иным становится и изображение персонажей. Увеличивается не только их количество, но и разнообразие приемов их изображения, появляются образы, совмещающие положительные и отрицательные черты. В соответствии с отмеченными особенностями изменяются и художественные средства. Эпитеты, и ранее являвшиеся одним из основных художественных средств воинской повести, в "Казанской истории" необычайно многочисленны и многофункциональны - их значение простирается от метафорического определения человеческих чувств /непросыпная печаль - 101[6], скорбные беды - 99, горкий глас - 152/ до описания внешности людей и характеристики предметов внешнего мира, при этом они наследуют не только традицию воинских повестей, но и житий, и фольклора. Продолжает развиваться и круг сравнений. Особенно большое значение приобретает изменение характера признака сходства, положенного в основу этого тропа. Наряду с традиционными сравнениями по функции и внутреннему качеству значительное место начинают

занимать сравнения, построенные на основе внешнего сходства /зрительного или звукового/. Основное назначение сравнений - характеристика персонажей.

Более многообразны, чем раньше, и метафоры, причем большинство их связано с изображением человеческих чувств, а структура отражает общую тенденцию тропов к распространению и уточнению традиционных образов.

Таким образом, уже в XVI в. наблюдаем превращение собственно воинской повести в историческую и в связи с этим переориентацию всей художественной системы произведения с задачи отображения определенного исторического события в узком смысле на задачу художественно убедительного и подробного изображения ряда событий в тесной связи с поступками персонажей, участвующих в них.

Традицию исторической повести с воинским сюжетом продолжает в начале XVII в. "Сказание" Авраамия Палицына. Следуя за "Казанской историей" в основных принципах построения повествования, автор в то же время несравненно меньшее внимание уделяет персонажам. В произведении нет центрального героя, большинство персонажей замкнуты внутри микросюжетов, что в целом ослабляет и сюжетно-композиционные связи глав произведения. Эта особенность уменьшает и количество художественных средств всех видов, направленных на характеристику человека. Однако стремление автора к детализированному, скрупулезно точному изображению событий, в свою очередь, расширяет круг средств, направленных на изображение явлений окружающей действительности. Большинство тропов носит традиционный характер.

Памятником, по существу завершающим развитие в древнерусской литературе традиции воинской повести, является "Повесть об азовском осадном сидении донских казаков". Как и "Сказание Авраамия Палицына", эта повести не имеет традиционного главного героя, но она в большей мере следует традиции классической воинской повести событийно-повествовательного типа, усложняя традиционную сюжетную схему в незначительной степени. Особое значение в этой повести приобретает влияние фольклора, связанное с личностью автора, сделавшего главным героем произведения "казачество вольное". Художественные средства в связи с этим во многом постоянные, следующие как фольклорной, так и книжной традиции. Значительное количество тропов, как и в "Сказании" Авраамия Палицына, носит изобразительный характер, служит описанию предметов и явлений окружающего мира.

Таким образом, воинская повесть, уже в первые века своего существования имевшая две основные разновидности, в одной из них, событийно-повествовательной, прошла долгий путь развития от простейшей логико-хронологической структуры до сложного и многогранного исторического повествования, подготовившего развитие исторического повествования в новое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Хрущов И.П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI-XII столетие. Киев, 1878. С.9-11; Русская повесть XIX в.: История и проблематика жанра. Л., 1973. С.8, 23-34.

2. См.: Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневеко-

вья и системе жанров русской литературы XI-XУI вв.// Литература Древней Руси. М.,1975.С.32-33,36-37.

3. Повести о походе Игоря на половцев цитируются по изданию: Памятники литературы Древней Руси. XII век.М.,1980. - с указанием номера страницы в скобках.

4. Текст "Повести о разорении Рязани Батыем" цитируется по изданию: Памятники литературы Древней Руси.XIII век.М.,1981.- с указанием номера страницы в скобках.

5. "Повесть о битве на реке Калке" цитируется по изданию: Памятники литературы Древней Руси. XIII век.М.,1981. - с указанием номера страницы в скобках.

6. "Казанская история" цитируется по изданию: Казанская история./Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г.Н.Моисеевой. М.;Л.,1954.